

ЗАПАЛ В ДУШУ ВАШ СОВЕТ...

ЕСТЬ В МОСКВЕ удивительный дом. Он будто наполнен множеством голосов, взволнованных, радостных и грустных:

«Дорогие Ольга Ивановна и Борис Владимирович! Когда у человека счастье или горе, он не может не делиться этим с самыми близкими людьми...».

Голоса, подобные этому, звучат со страниц писем, которые приходят из Таджикистана и Башкирии, Татарии и Каракалпакии. Вот уже в течение 30 лет педагоги Б. В. Бибииков и О. И. Пыжова руководят национальными студиями Московского государственного института театрального искусства имени Луначарского. Их квартира на Фрунзенской набережной напоминает учебную аудиторию: на стене — афиша выпускных спектаклей таджикского курса, объявление: «Тише, идут экзамены!».

Борис Владимирович начинает свой рассказ:

— Мы стремимся научить студентов понимать и применять законы жизни в их актерской практике. Хочется научить их чувствовать правду на сцене, как говорил Станиславский, до микрона. Но есть еще одна важная сторона — многие курсы воспитываются как единый коллектив будущего театра, который возникнет после возвращения выпускников на их родину.

Формирование такого творческого коллектива не заканчивается выпускным институтским экзаменом. Неотъемлемая часть педагогической деятельности Б. Бибиикова и О. Пыжовой — активное участие в решении творческих проблем, которые возникают перед молодыми актерами в ходе работы.

«Мы задумали сделать Ашхабадский тюз домом, клубом для юношества, где все волнующее, интересно. Пусть он не только говорит о достигнутом, но и зовет молодежь на борьбу с темным, уродливым в человеческих отношениях».

Это строки одного из первых писем, посланных учителями выпускниками туркменской студии в 1964 году. Так в только что образовавшемся Ашхабадском тюзе началась выработка творческой программы. Основа для нее была заложена в Москве дипломными спектаклями туркменского курса.

— Мы создавали репертуар студии так, чтобы идейная и сюжетная стороны пьес отвечали современным

проблемам жизни республики, чтобы он был разнообразен, включал в себя и классику, и современность, и пьесы туркменских авторов, — рассказывает педагог. — Мы предложили студентам пьесы Гольдони, А. Корнейчука, Г. Мухтарова. Дипломный спектакль «Честное комсомольское» Г. Мухтарова о студенчестве наших дней прошел на сцене уже более тысячи раз. Такая жизнеспособность спектаклей объясняет, почему мы так охотно работаем с ребятами из республик. У обычных дипломных спектаклей короткая жизнь, а постановки, осуществленные в национальных студиях, играют десятилетиями.

Репертуарная линия, намеченная в ГИТИСе, продолжает развиваться. На афише Ашхабадского тюза появились «Семья» И. Попова, «Девочка и апрель» Т. Ян, пьесы молодых туркменских авторов А. Мамилева и В. Суханова «Ты моя жизнь», повествующая о людях села. Формируется театр-клуб, у которого уже есть свой взволнованный, заинтересованный зритель... И в Москву летят сообщения о том, как он создается, завоевывается:

«Для нас праздник — поездки по районам Туркмении. Только что вернулись из поездки по Тедженскому оазису. Побывали в колхозах «Тезе ел», имени Карла Маркса, «Коммунист». Начинали мы представления поздно вечером, иногда в 11 часов ночи, когда к нам на огонек собиравлись уставшие после полевых работ люди. Спектакли принимались очень тепло, а потом угощения, разговоры, добрые напутствия...».

Свой зритель — как он нужен молодому театру! Однако укреплять контакты с ним Тюзу было не просто. Труппа не имела своего помещения. Приходилось выступать в какие-то дни в Театре имени Молланепеса. Где-то на галерке или сцене Дворца пионеров шли репетиции. И хлопоты коллектива на месте поддерживаются письмами московских педагогов. Они доказывают, убеждают, и, наконец, письмом артиста А. Байрамбердыева:

«Дорогие наши учителя! Хочу поделиться с вами нашей большой радостью: нам дали помещение! Пишу эти строки, и самому не верится — звучит как будто во сне, как эхо, как мечта. Каждый день любимым им, бережно, осторожно трогаем каждый камень, но в реальность этого события не верится. Как пра-

вы были вы, когда говорили: «Нетеряйте дружбу, боритесь дружно, и вы победите!». Нам передали здание кинотеатра «Ашхабад», который давал 300 тысяч рублей дохода. Его закрытие — большой убыток для государства. Правительство пошло на это, веря в нашу силу. И нам надо оправдать такое доверие. Сейчас начнется реконструкция здания. Через год у нас будет настоящий театр...».

Настоящий театр... А каковы те люди, которым обживать его стены? Семь лет для труппы Ашхабадского тюза были сложными. Из театра ушла группа актеров, сменился главный режиссер.

— Я думаю, что это большой серьезный вопрос — руководство театрами, которые создаются на основе выпусков национальных студий, — замечает Борис Владимирович. — Мы в ГИТИСе готовим актеров, режиссер назначается в республике. И не всегда бывает так, что студийцы находят в его лице единомышленника. Начинаются разногласия, и это неизбежно сказывается на творческом лице коллектива. Наверное, необходимо, чтобы студийцы знакомились со своим будущим руководителем на занятиях и экзаменах в институте.

В Ашхабадском тюзе трудности роста были преодолены. В театре сложилось крепкое актерское ядро: Т. Агаев, А. Байрамбердыев, М. Агмедова, О. Мамедкулиева. И, казалось бы, пришел опыт и мастерство к лауреату премии имени Ленинского комсомола Туркмении А. Аловову, но по студенческой привычке он обращается к учителю:

«Восстанавливаем «Ревизора», мне доверили играть почтмейстера. Репетирую, не знаю, какой он будет?».

И нет, очевидно, большей радости для педагога, чем такой ответ:

«Большое спасибо за почтмейстера, запал в душу мою ваш совет, играю по-вашему».

Семь лет Ашхабадского тюза... Бывшие студенты сами становятся учителями — при театре открылась студия. И именно сейчас, в пору вступления в зрелость, время думать о том, какие пути изберет коллектив в дальнейшем:

«Ольга Ивановна, Борис Владимирович, вы нас учили: быть прежде всего человеком настоящим, любить искусство и бороться за него, оставить добрый след. Вы всег-

да говорили нам: «Всю жизнь надо учиться, без всякого сдвига — застой, ремесленничество». Самое страшное — это лень. За лень, вы, Ольга Ивановна, ругали нас много раз. Как будто бы к концу учебы она ушла от нас. А сейчас она вновь откуда-то появилась и начала нас убаюкивать. Баю-баюшки баю... Никто не хочет первым быть, кто — из скромности, кто — из неспособности, кто — не понять еще из-за чего. Все кого-то ждем, зачем, почему? А жизнь идет. Уж нам под тридцать, да и больше. А тут дети, семья. Иногда в голову приходит такая мысль: почему я пошел работать в театр? Может, я не то выбрал?».

Что самое главное? Это надо найти. Где? Когда? Или ни о чем не думать, заставить себя работать, работать, работать, не рассуждая?...».

Как мало эти страстные строчки напоминают какое-либо подведение итогов. И это здорово. Самое страшное в искусстве — самоуспокоенность, и именно после таких писем с вопросом «Что же делать?» вернется в Тюз продолжаться творческий поиск.

Я прошу Бибиикова показать мне письма от выпускников из других театров. Но он говорит, что разыскать их нелегко, и дает мне целую пачку совсем новеньких конвертов с обратным адресом: Душанбе, Молодежный театр.

«Были на гастролях в Кулабской долине, забирались в такие уголки, где не был певец народный со своим легким инструментом, не то что театр со своими декорациями. После спектакля «Лекарь поневоле» Мольера один из зрителей сказал, что за пятьдесят лет своей жизни он никогда так от души не смеялся...».

«Очень хочу поступать в аспирантуру, но не отпускают из театра. Но разве можно идти против своей природы?».

«На репетициях пользуюсь записями ваших лекций по системе Станиславского. Мне кажется, это определит мой «коэффициент полезности...».

«...Как быть? Не ладятся у меня взаимоотношения с главным режиссером?».

Еще и еще письма... Вопросы, советы...

Б. В. Бибииков и О. И. Пыжова — люди, живущие удивительно молодо. Сейчас им строить Душанбинский молодежный. А значит, будут идти письма по адресу: Москва, Фрунзенская набережная...

Г. ПИКУЛЕВА.